

М. Н. Катков
***Совпадение интересов украинофилов с польскими
интересами***

Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!

Еще задолго до вооруженного восстания в Польше эта интрига начала свои действия. Все, что в нашем обществе, до сих пор еще не признанном как следует и существующем как будто втайне, — все, что завелось в нем нечистого, гнилого, сумасбродного, она сумела прибрать к рукам и организовать для своих целей. Наши жалкие революционеры сознательно или бессознательно стали ее орудиями. Наш нелепый материализм, атеизм, всякого рода эмансипации, и смешные и возмутительные, нашли в ней деятельную себе поддержку. Она с радостью покровительствовала всему этому разврату и распространяла его всеми способами. Она умела вызывать некоторые выгодные ей административные распоряжения; она отлично умела пользоваться крайней анархией в системе нашего народного просвещения; она садилась на школьную скамью, она влезала на учительскую кафедру, и, без сомнения, нередко случалось, что иной либерал-наставник, еще менее зрелый умом, чем его двенадцатилетний воспитанник, проповедуя космополитизм, или безверие, служил чрез десятые руки органом иезуитской интриги и очень определенной национальности, рывшейся под землей и во мраке подкапывавшейся под все корни русской общественной жизни.

Эта интрига, разумеется, не упустила воспользоваться и украинофильскими тенденциями, на которые наше общественное мнение еще не обратило должного внимания, потому что общественного мнения у нас не существовало, потому что общественное мнение было у нас случайным сбродом всяких элементов, преданных на жертву всякому влиянию и всякой интриге. Дело вот в чем.

Русская народность несравненно менее, чем какая-либо другая великая народность в Европе, включает в себе резких оттенков. В Германии, в Италии, даже во Франции, несмотря на сильную централизацию этой последней страны, — везде есть резкие особенности и местные наречия, до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров. Если бы не было одного итальянского языка, то жителю Милана почти так же трудно было бы понимать неаполитанца, как и испанца или даже как своих вечных врагов — тедесков. В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в ином местном говоре. Во Франции то же самое, и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности и резкие местные наречия, которые гораздо

более разнятся между собой, чем даже языки русский и польский. В России несравненно менее розни в языке, чем где-нибудь, и менее чем где-нибудь рознь эта значительна. Ступайте по всей Русской земле, где только живет русский народ всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий. Наиболее резкую особенность встретите вы в малороссийском и белорусском говоре. Но почему это? Заселены ли эти места какими-либо особыми народностями, случайно присоединившимися к русской и вошедшими в состав его государства? Нет, здесь искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь началась русская вера, и здесь же начался русский язык. Здесь впервые родилось историческое самосознание русского народа, здесь явились первые памятники его духовной жизни, его образования, его литературы. Южное и северное, западное и восточное народонаселения России с самого начала сознавали себя как один народ; да и нет ни одного признака в истории, чтобы между ними была какая-нибудь народная рознь, какой-нибудь племенной антагонизм. Но монголы и литва разрознили на некоторое время русские народонаселения, и юго-западная часть нашего народа, подпавшая под польское иго, долго страдала, долго обливалась кровью. И хотя она отстояла себя, но тем не менее время разъединения с Россией внесло в южнорусскую речь несколько польских элементов и вообще несколько обособило ее, более, чем разнятся между собой другие местные говоры в России.

Как есть везде, так, естественно, были и у нас любители местных наречий. Делались попытки писать стихи и рассказы с подделкой под малороссийский говор, но делались без всякой цели, ради курьеза или для местного колорита, и в видах чисто литературных, подобно тому как во Франции сочиняются стихи на местных жаргонах, подобно тому как немецкий поэт Гебель' писал свои идиллии на аллеманском наречии. У писавших не было и тени замысла создать из местного наречия особый язык и возвести его в символ особенной народности. Если же и встречались некоторые позывы сепаратизма, если и зарождалась иногда темная мысль о разъединении единой и нераздельной народности, то эта мысль оставалась безвредной по своей несостоятельности; она не могла действовать в жизни и была только фальшивым литературным направлением. Положительно вредной она могла стать только как примесь к чему-нибудь другому, как готовое пособие для каких-нибудь более практических доктрин, как готовое орудие для какой-нибудь более серьезной пропаганды

Года два или три тому назад вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катехизиса. Польские публицисты с бесстыдной наглостью начали доказывать Европе, что русская народность есть призрак, что Юго-Западная Русь не имеет ничего общего с остальным

народом русским и что она по своим племенным особенностям гораздо более тяготеет к Польше. На это грубейшее искажение истории наша литература, к стыду своему, отозвалась тем же учением о каких-то двух русских народностях и двух русских языках. Возмутительный и нелепый софизм! Как будто возможны две русские народности и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка! И вот мало-помалу из ничего образовалась целая литературная украинофильская партия, вербуя себе приверженцев в нашей беззащитной молодежи. Истощались все прельщения, чтобы связать с этой новой неожиданной пропагандой разные великодушные порывы, разные смутно понимаемые тенденции, разные сердечные чувствования. Из ничего вдруг появились герои и полубоги, предметы поклонения, великие символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Мефодии с удивительнейшими азбуками, и на Божий свет был пущен пуф какого-то небывалого малороссийского языка. По украинским селам начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и заводить малороссийские школы, в противность усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных "просветителей". Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором, составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек.

Мы далеки от мысли бросать тень подозрения на намерения наших украинофилов. Мы вполне понимаем, что большинство этих людей не отдадут себе отчета в своих стремлениях. Мы отдаем должную дань и легковерию, и легкомыслию, и умственной незрелости, и бесхарактерности. Но не пора ли, по крайней мере в настоящую минуту, подумать о том, что мы делаем? Не пора ли этим украинофилам понять, что они делают нечистое дело, что они служат орудием самой враждебной и темной интриги, что их обманывают, что их дурачат? Из разных мест Малороссии получаем мы вопиющие письма об этом зловредном явлении, которое тревожит и возмущает там мыслящих и серьезных людей. Нити интриги обнаруживаются все яснее и яснее, и нет никакого сомнения, что украинофилы находятся в руках интриганов; нет никакого сомнения, что украинофилы служат покорным орудием заклятых врагов своей Украины. Нашим украинофилам пора одуматься и понять, в какую бездну хотят их ввергнуть. Мы знаем, что самые фанатические из польских агитаторов ожидают рано или поздно особенной пользы своему делу от украинофильства, что они радуются этому движению и поддерживают его всеми способами — разумеется, прикрывая себя разными масками.

В самом деле, ставя вопрос о существовании русского народа, чего лучшего могут ожидать польские фанатики, как не разложения в собственных недрах русского народа? Они не прочь и сами прикинуться завзятыми украинофилами; имея на мысли великий идеал в лице Конрада Вилленрода, они великодушно отрекутся от собственной народности в

пользу украинской, и отрекутся тем охотнее, что украинской народности не существует, а существует только возможность произвести в русском народе брожение, которое всего действительнее может послужить целям врагов России, поднимающим вопрос о самом существовании ее.

Польские повстанцы, которые дерутся и гибнут в лесах, знают, по крайней мере, чего они хотят. Польская народность жила когда-то особым государством и имела самостоятельное историческое существование; польский язык есть язык существующий, язык обработанный, имеющий литературу. Польские повстанцы знают, чего они хотят, и желания их, при всей своей безнадежности, имеют смысл, и с ними можно считаться. Но чего хотят наши украинофилы? Украина никогда не имела особой истории, никогда не была особым государством, украинский народ есть чистый русский народ, коренной русский народ, существенная часть русского народа, без которой он не может оставаться тем, что он есть. Несчастные исторические обстоятельства, оторвав Украину от русского корня, насильственно соединили ее на время с Польшей; но Украина не хотела и не могла быть частью Польши, и из временного соединения с ней вместе с полонизмами своей местной молвы вынесла вечную, неугасимую национальную ненависть к польскому имени. Нигде в России, даже теперь, поляки не возбуждают против себя собственно национальной ненависти; а в Украине кипит непримиримая национальная ненависть к полякам. Малороссийского языка никогда не было и, несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует. Во множестве особенных говоров Юго-Западного края есть общие оттенки, из которых искусственным образом можно, конечно, сочинить особый язык, как можно сочинить особый язык, пожалуй, даже из костромского или рязанского говора. Но, спрашивается, из каких побуждений может возникнуть желание сочинить такой особый язык, как будто недостаточно уже существующего русского языка, принадлежащего не какой-либо отдельной местности, но целому народу, нераздельному и единому, при всех местных особенностях и местных наречиях, впрочем, несравненно менее резких, чем во всякой другой европейской стране? Откуда у нас в России могло бы взяться такое побуждение устраивать школы для преподавания на местном наречии и для возбуждения антагонизма между им и общепринятым государственным и литературным языком? Кто, кроме мономанов, мог бы прийти к такой мысли во Франции, Германии и Англии и какое общество допустило бы эту мысль до осуществления в размерах сколько-нибудь значительных? Общепринятый русский язык не есть какой-нибудь местный, или, как говорят, великороссийский, язык. Можно с полной очевидностью доказать, что это язык не племенной, а исторический и что в его образовании столько же участвовала Северная Русь, сколько и Южная, и последняя даже более. Всякое усилие поднять и развить местное наречие в ущерб существующему общенародному историческому языку не может иметь другой логической цели, кроме расторжения народного единства.

В письмах, которые мы получаем с Украины, нам сообщают о решительном противодействии крестьян всем этим попыткам. В живом народе крепко сказывается инстинкт самосохранения. Но интриганы прибегают к разным хитростям. Дерзость свою они простирают до того, что выдают себя за агентов правительства, отправленных будто бы с целью расшевеливать крестьян и допытываться, не пожелают ли они, чтобы детей их в школах учили малороссийской грамоте. Сельский люд Малороссии отличается особенным доверием к правительству, и, не разобрав, в чем дело, крестьяне могут попадаться на эту удочку и заявлять такие желания, которых они не имеют и которые противоречат их действительным желаниям и самым существенным интересам.

В деле народности и языка само общество должно быть на страже. Все, что есть серьезного, зрелого, мыслящего на Украине, особенно духовенство, должно энергически противодействовать интриге и изобличать интриганов. Мыслящие люди должны ограждать сельский люд от происков, объяснять ему, в чем заключается их смысл и куда они клонятся, раскрывать обман и растолковывать ему, что правительство никак не может заводить школы для развития местного наречия в ущерб государственному языку; не может употреблять народные деньги на такое дело, которое явно клонится к ослаблению и расторжению народного единства. Всякий сколько-нибудь мыслящий человек, всякий способный принять к сердцу общее дело и серьезно подумать об интересах Отечества должен понять, что нет ничего пагубнее, как систематическими усилиями поднимать местное наречие на степень языка, заводить для него школы, сочинять для него литературу, что никакая другая рознь не может произвести таких пагубных последствий и что одна и та же интрига, которая старалась ополячить народ в Белоруссии, старается создать призрак особой народности на Украине, и последнее еще горше первого.

В Галиции, несмотря на давнее отделение этого края от родной России, писали языком, подходящим к типу общепринятого русского языка, и только в последнее время, благодаря усилиям наших украинофилов и настойчивым требованиям поляков, львовская газета "Слово" начала отдаляться от этого типа; она представляет теперь самый уродливый маккаронизм. Но в Угорской Руси (в Венгрии), куда польское влияние не простирается, сохраняется и блюдетя в возможной чистоте русский язык, так что все, что там писалось, и все, что оттуда пишется в львовском "Слове", кроме некоторых неловкостей в оборотах речи, почти не разнится от обыкновенного русского языка. Зато теперь австрийское правительство запретило журнал, выходивший в Угорской Руси; оно требовало, чтобы наши родичи отказались от настоящего русского языка и писали той же уродливой речью, какой пишут львовские литераторы, под фирмой русского языка; но угорские русины объявили, что они другого русского языка не знают, кроме существующего, и предпочли замолкнуть.

Какой же смысл может иметь в самой России это так называемое украинофильское направление? Грустная судьба постигает эти

украинофильские стремления! Они точь-в-точь совпадают с враждебными русской народности польскими интересами и распоряжениями австрийского правительства.

Неужели наши украинофилы, бессознательно завлеченные в интригу, будут работать на нее даже и теперь, когда народ на Украине так энергически доказал свою преданность общему отечеству и когда по селам Русского Царства у всех в устах и на сердце имя Киева, златоверхого Киева, — имя, производящее могущественное действие на всякого русского человека, какой бы он ни был уроженец, имя, в котором, быть может, еще более единящей силы, чем в имени самой Москвы? Наши украинофилы должны пристальнее взглянуть в лицо софизмам, которыми их обольщают. Если Русская земля должна быть одна и русский народ должен быть один, то не может быть двух русских народностей, двух русских языков — это очевиднее, чем дважды два четыре. А если Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют эти усилия, эти стремления дать ей особый язык, особую литературу и устроить дело так, чтобы уроженец киевский со временем как можно менее понимал уроженца московского и чтобы они должны были прибегать к посредству чужого языка, для того чтобы объясняться между собой? Какой же смысл искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа и разрознивать их силы, между тем как только из взаимодействия их сил может развиваться жизнь целого, благотворная для всех его частей?

Давно уже замечали мы признаки этого фальшивого направления в нашей литературе и неоднократно изъявляли сожаление о том, что люди тратят свои силы на дело, от которого ни в каком случае добра ожидать не должно. Мы в "Русском вестнике" и "Современной летописи" обращались к здравому смыслу господ, подвизавшихся на этом поприще, но не могли удержаться от негодования, когда некоторые из этих господ вздумали было действовать посредством литературного застрашивания, которое было у нас в большом ходу в последнее время и которое состояло в том, чтобы забрасывать грязью всякого, кто решался поднять независимый голос. Мы были очень рады, когда спустя некоторое время несколько киевских украинофилов прислали для напечатания свою исповедь, в которой свидетельствовали о своем патриотизме и чистоте своих намерений. Мы напечатали их исповедь; нам приятно было верить чистоте их намерений, и мы не сочли нужным пускаться с ними в толки о бесплодии их украинофильских стремлений, тем более что в это время начинали уже разыгрываться польские смуты. Но за это посыпались на нас сильные укоры из Малороссии, и нас обвиняли в послаблении. Каемся в грехе и постараемся загладить его.

Кстати, мы считаем своим долгом объявить г-ну Костомарову, чтобы он не трудился присылать в редакцию нашей газеты объявления о пожертвованиях, собираемых им в пользу издания малороссийских книг. Таких объявлений мы печатать не будем и каемся, что в начале этого года по случайной оплошности эти объявления раза два появлялись в "Московских

ведомостях". Мы искренно сожалеем, что г-н Костомаров ссудил свое имя на это дело, и позволяем себе надеяться, что он оценит наши побуждения и, размыслив, быть может, и сам согласится с нами. Мы думаем, что общественный сбор на такой предмет по своим последствиям, если не по намерениям производящих его лиц, гораздо хуже, чем сбор на Руси доброхотных подаяний в пользу польского мятежа. Взамен того мы охотно вызываемся печатать объявления г-на Костомарова, если он будет собирать пожертвования на развитие провансальского жаргона во Франции или нортомберландского в Англии. Или пусть эти суммы передает он в кассу немецкого национального ферейна на постройку германского флота. Лучше бросить эти деньги... Бог с ними! Они жгутся.